

дов, оказала серьезное влияние и на Рэнсима. С целью установления истоков этой идеи «священной войны» Рэнсимен всю первую часть первого тома и посвящает истории... «святых мест христианства» (I, 3—79). Как будто эта история в какой бы то ни было степени может объяснить действительные причины крестовых походов или хотя бы только происхождение их «идеи»! Явно переоценивая значение религиозного «фактора», Рэнсимен на протяжении пяти глав этой части рассматривает те изменения, которые происходили между IV и XI вв. в положении христианского населения Палестины, Сирии, Египта (с точки зрения его религиозного статуса) в связи с различными перипетиями политической истории этих стран. В этой связи целая глава отводится автором истории паломничеств в «святую землю» (I, 38—50), которые рисуются как «хождения» исключительно религиозного характера. Автор детально перечисляет различные паломничества, имевшие место на протяжении нескольких столетий, подробно описывает путь паломников по странам Европы и византийской территории. Что касается мотивов этих путешествий, то в явно одностороннем изображении Рэнсима единственной целью пилигримов было будто бы стремление вступить в Иерусалиме в некий мистический контакт с богом и его святыми (I, 44), помолиться, благоговейно осмотреть реликвии, «очиститься» и «укрепиться в вере» (I, 50). В действительности, как известно, паломничества далеко не всегда являлись только актами благочестия: энтузиазм, например, паломников-норманнов, о котором пишет Рэнсимен (I, 47), имел под собой достаточно земную основу, как это было показано еще П. Рианом¹⁰. Ошибочное, однобокое изображение паломничеств, данное Рэнсименом, входит органической частью в его общую, идеалистическую в своей основе концепцию происхождения крестоносного движения.

В самом деле, переходя к переменам на Востоке, вызванным с середины XI в. сельджукскими завоеваниями, Рэнсимен — в соответствии с традиционной схемой, берущей свое начало от Вильгельма Тирского, — указывает, что теперь, после того как Передняя Азия, в том числе и Иерусалим, подпала под власть «турок», паломничества в «святую землю» оказались сильно затрудненными (I, 78). Пилигримы, возвращаясь на родину, приносили с собой «страшные вести» (I, 79). О лишениях же восточных христиан под игом «неверных» Западу поведали и греки [имеется в виду выступление византийских послов на Пяченцком соборе 1094 г. (I, 105), речи которых, впрочем, как отмечает сам автор, не сохранились]. В такой обстановке, утверждает Рэнсимен, христиане встали лицом к лицу перед серьезной проблемой: следует ли им воевать «за свою страну» (I, 83)? На Западе решили, что следует: Византия, терявшая одну за другой свои позиции на Востоке, больше не могла выступать в роли «покровительницы христианства», а поэтому «Манцикерт оправдывал вмешательство Запада» (I, 64 — со ссылкой на Вильгельма Тирского!). Таким образом, всем построением этих разделов Рэнсимен как бы отстраняет многие высказанные им же реалистического порядка соображения по поводу причин крестовых походов: у читателя остается впечатление, будто в конечном счете, что бы там ни говорил автор о «земных» мотивах папства, князей и рыцарства, крестовые походы возникли все же прежде всего как ответ Запада на «утеснения христианства» сельджуками — старая схема, фактическая необоснованность которой была превосходно доказана К. Каэном.

¹⁰ P. Riant. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte. Paris, 1865.